

Почетные звания *Сов. артист*
1987-18 сент.

Габович Михаил Михайлович

Когда подумалось о первых выступлениях Михаила Габовича, вспомнились концерты Московского академического хореографического училища, «Болеро». Там у Миши было два амплуа — голубое и красное («ревнивец»). Это как бы предопределило его творческое будущее. Выпускное выступление в «Пахите» и первые роли в Большом театре Михаил готовил под руководством Алексея Николаевича Ермолаева — «короля воздуха», дерзкого танцовщика, открывшего новые возможности мужского танца. Работать с Ермолаевым было большим счастьем. Память о нем для Миши безгранично дорога и свята. Учиться у Ермолаева было и интересно, и трудно. И, может быть, именно тогда, в те годы закралась в голову Михаила мысль о сочетании бионики и пластики, зародилась идея его будущей кандидатской диссертации на тему: «Принципы биомеханики в методике преподавания классического танца», успешно защищенной в мае этого года.

А если вернуться к начальным шагам в театре? Конечно, Алексей Ермолаев обратил внимание на внешние данные молодого артиста и его пластичность. Одним из первых сценических шагов стало участие в балете «Спартак», где он с успехом танцевал и раба, и патриция. А когда заболел исполнитель роли Красса Борис Акимов, а первый Красс — М. Лиэпа гастролировал за рубежом, молодому танцовщику доверили эту сложнейшую партию. Две недели кропотливого, каждодневного труда. Партия получилась. Может быть, это не был

«классический» Красс Мариса Лиэпы, которого повторить вообще невозможно. Шли годы, они принесли опыт, мастерство. И Михаил Габович превратился в настоящего Красса, не лиэповского, не акимовского — в своего. Но до этого пришлось перевернуть массу литературы, проникнуться эпохой, самым образом. Многие пережить, передумать, переосмыслить.

Так было и с Курбским. «Мы всей семьей, — вспоминает Марианна Сергеевна Боголюбовская, мама Миши, — читали переписку Ивана Грозного с Курбским, загорались, зажигались полемикой двух незаурядных личностей». А прочитанное, осмысленное выносилось на сцену. Создавался образ Курбского, носителя двух начал — и положительного, и отрицательного. А то ведь бывает и так: танцует человек первый раз «Легенду о любви», поет Вертера. Спрашиваю: а вы Хикмета читали, а Гете «Страдания юного Вертера»? А мне отвечают: «А зачем?».

Михаил Габович творчески рос, утверждал себя как ведущий танцовщик труппы в балетах Юрия Григоровича. Интересным стал его Злой гений в «Лебедином озере». Причем постепенно образ видоизменялся, оттачивался. Вначале это был «черный» принц — зловещая фигура, а потом — как бы обратная сторона души человека. Ведь «Лебединое озеро» Ю. Григоровича — это хореографическая философская поэма, и одна из возможных трактовок Принца и Злого гения — это воплощение двух сторон человеческой души, человеческого «я», в котором есть место и

хорошему, и плохому. Что победит? Злой гений Габовича, обладающий волей и силой, постепенно «тянет» душу из Принца. Он разный — то просто злая птица, то коршун, то стелющийся по земле хищник. Вспомним, что Михаил Габович станцевал и Зигфрида в старой постановке «Лебединого озера»: он был так мягок, нежен, бережен по отношению к Одетте — Одиллии прелестной Л. Семеняки. Он исполнил и партию Ромео в постановке Л. Лаэровского и был юный, благородный и пылкий герой, который стал достойным Ромео не повторимо прекрасной Джульетты — Натальи Бессмертной. Запомнился его обаятельный Клавдио в «Любовью за любовь», Тригорин в «Чайке» — красивый, элегантный, умеющий обольстить, но пустой, пользующийся лишь радостями жизни.

Михаил Габович может быть на сцене мягким и благородным, нежным и элегантным, вместе с тем в его танце присутствует волевое начало.

Некоторые говорят: не надо сравнивать детей с родителями. Но мне все-таки хочется сказать, что от ген никуда не деться. Поэтому, когда мы видим на сцене Михаила Габовича, чувствуем, что элегантность и благородство он унаследовал от отца, а то, что его танцу присущи не только лирическое, но и драматическое начало, — это, вероятно, от матери. Вспомните — Одетту и Черкешенку в «Кавказском пленнике». В ней таилось нутро драматической актрисы. Склонность к театрическому, критическим работам — возможно, от отца, который

был не просто теоретиком балета, а теоретиком — философом, воспринимавшим балет как философскую концепцию отражения жизни в пластических образах. Интерес к педагогике (он закончил отделение педагогов хореографии ГИТИС им. Луначарского) — от мамы, работавшей в Институте художественного воспитания детей.

Я совсем не хочу сказать, что артист балета — профессия наследственная. И все-таки. Как правило, дети артистов балета быстрее достигают в искусстве больших успехов. Думаю, примеры приводить не надо, их достаточно много. Они с детства «варятся» в театре, в актерском соку, видят святую любовь родителей к искусству, их одержимость, трудоспособность. Они наследуют и культуру, интеллигентность. Это тоже не проходит бесследно.

Какое будущее ждет Михаила? Он может стать педагогом. Мечтает о работе на кафедре биомеханики. У него есть склонность и к репетиторской работе. Ему присущи сила воли, трудолюбие, проявляющиеся и в работе, и в учебе. Ведь очень нелегко было и танцевать, и готовить диссертацию.

К своим новым партиям на сцене он всегда относился избирательно: танцевал те, что для него ценны, важны. Балет для Миши — люби-

мое искусство, к нему он относится нежно и трепетно. И, думаю, любовь эта взаимная. У него есть еще время поразмыслить о будущем. Рядом растет сын, который уже успешно станцевал, правда, пока на школьной сцене, «Вариацию». Он любит отца, считает его своим другом, делится с ним секретами. В общем это — настоящая мужская дружба. Пройдет несколько лет. И, может быть, на балетной сцене появится третий Миша из семьи Габовичей — Михаил Бессмертных.

Маргарита АНОХИНА.